

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М18

Дизайн обложки *Анна Чернышева*
Иллюстрация на обложке *Екатерина Лысаковская*

В книге присутствует нецензурная брань и описание насилия,
читайте с особой осторожностью

Малаховская-Пен, Ирина

М18 **Холодная вечность. Вызов Хроноса/ Малаховская-Пен
Ирина.** — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. —
(Романы рунета).

ISBN 978-5-17-164780-3

С последнего приключения в Позднем прошел уже год. Жизнь вошла в привычное русло, Соболев вернулся домой и даже помирился с женой. Однако внезапный звонок друга не перевернул все с ног на голову. По правде сказать, тогда, вернувшись из Позднего, ученый думал, что выжил в общем-то, чудом. Жуткие картинки домов и людей, восстающих из пепла, до сих пор мелькали перед глазами.

Но, как оказалось, что-то пошло не так и теперь Соболеву снова придется вернуться в Позднее, чтобы это выяснить и окончательно покончить со злом. Но в этот раз все не так просто, и чтобы все исправить придется обратиться к богу времени Хорону.

Продолжение мрачной и загадочной истории Позднего и его жителей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Книга посвящена всем моим близким и друзьям

Глава 1

— Привет! Как твои московские дела? — спросил Костю журналист Морозов.

Его звонок в выходной день с утра едва не сбил Соболева с намеченного графика. Они с Таней пили кофе, собираясь после завтрака ехать в торговый центр. Соболев с Морозовым очень редко созванивались, и никогда по выходным.

Какие у Кости дела? Вот, с бывшей женой помирился. Ну, правда уже давно. Наверное, он говорил об этом Морозову. Таня дала ему второй шанс. Ну, или они оба просто дали второй шанс своему браку. Расписываться пока не спешили — просто съехались обратно. Пока вроде всё было тьфу-тьфу-тьфу. Костя старался уделять Тане больше времени, чем своим исследованиям. Про его поездку в Позднее, откуда Соболев вернулся почти год назад, он старался не говорить. Да и в разговорах с Морозовым эта тема не поднималась. Сразу после случившегося у них состоялся вялый разговор типа: «Надо бы съездить, проверить». Но им так не хотелось ни ездить, ни проверять. Даже Морозову не хотелось. Он и не ездил. Прошёл год, и кое-что случилось. То, что заставило Андрея

Ирина Малаховская-Пен

позвонить Соболеву в субботу, побеспокоить в его законный выходной день. Как ни пытался Морозов говорить непринуждённо, а видать, не особо получалось.

Костя показал извинительный жест Татьяне и ушел с сотовым в комнату. Вместо того чтобы рассказывать Андрею, как дела, он принялся задавать ему вопросы:

— Что случилось?

— Почему сразу «случилось»?

— Да так. Не нравишься ты мне.

— Правда? — изумился Андрей. — А я думал, мы с тобой друзья.

— Ты понял, что я хочу сказать. Мне не нравится твой голос. Твоё настроение, сколько бы ты ни давал мне отвлекающих вопросов. Быстро говори, что у тебя случилось. Сегодня выходной, у меня планы. Мне некогда.

— Так может, я перезвоню в другое время? — с надеждой спросил Андрей.

— Морозов, мать твою!

— Ладно-ладно! В общем... я видел Марка.

— Что-о? Где? — потрясённо спросил Костя.

— В Запрудном. На рынке.

— А ты знаком с Марком?

— Нет, Соболев. Я, к счастью, не знаком с Марком.

Но я его знаю.

— Чёрт... Акела промахнулся. — Костя почувствовал, будто на плечи ему положили плиту.

Бетонную. Ну, или гранитную. Тяжесть ощутил Соболев. Тяжесть ошибки, тяжесть несделанного дела...

— Но это не конец истории, — невесело продолжил Андрей. — Я проследил за ним. Марк поехал на своей телеге в сторону Позднего.

— Что?! Позднего нет! Мы его уничтожили...

— Мы не проверяли этого, Костя.

Хлодная вечность. Вызов Хроноса

В комнату вошла Таня и вопросительно посмотрела на мужа. На мужа, конечно, а на кого ещё? Да, не расписались. Но ведь прежде были женаты. И сейчас живут вместе. И любовь есть — как без любви-то? Никак и никуда.

Костя снова показал супруге жест, на этот раз успокаивающий, мол, подожди, дорогая, я почти уже освободился. Ему не хотелось конфликтовать с Таней. Ни из-за чего не хотелось. Но... новости от Морозова были настолько неожиданными и пугающими, что важность восстановленного соболевского брака вдруг снизилась градусов на десять. Однако он решил, что если год Марк был жив-здоров, и они с Морозовым знать об этом не знали, то ещё несколько дней точно погоды не сделают.

— Видимо, ты мне всё-таки перезвони, — сказал Соболев в трубку. — Или давай я тебе. В понедельник. Да?

— Да конечно, Кость. Я так и предлагал.

Угу. Предлагал он. Кто вообще звонит в выходной с такими новостями?

— Что-то случилось? — с тревогой спросила Таня.

«Ничего такого, о чём тебе следовало бы знать», — подумал Соболев, а вслух сказал:

— Небольшие рабочие проблемы. Ничего из ряда вон выходящего... ты готова?

Она кивнула.

— Ну, поехали тогда.

Соболев в тот день был очень хреновым собеседником для Тани. На вопросы по пути в торговый центр отвечал рассеянно, всё больше старался кивать и улыбаться. Если так и дальше дело пойдёт, то от плохого собеседника до плохого мужа один ответ невпопад.

— Тань, ты меня прости! Я задумался о работе, и поэтому такой. Даже не задумался, а загрузился, так точнее будет.

Ирина Малаховская-Пен

— Так ты вроде говоришь: ничего из ряда вон выходящего?

В этом месте Костя снова улыбнулся. Ему хорошо было с Таней. В принципе, она была права, когда говорила Соболеву после развода: ты меня не замечаешь. Ты весь в своей тератологии, тебе уродства подавай. А я не урод. Ну или что-то в этом роде Таня говорила.

Вернувшись из Позднего, Соболев подумал, что выжил в этом приключении, в общем-то, чудом. И вспомнил о своей жене, которую, в общем-то, любил. Да, может, он был слишком помешан на науке, и поэтому не вёл себя, как примерный муж, но что любил — это точно. Надя — господи, прости в самом деле, — отвлекла его от любви к жене и боли от развалившейся семьи. Наверное, не знай Соболев, кем Надя была на самом деле, может, даже был бы ей благодарен, за то, что отвлекла. Но после того, как Костя узнал, что спал с ходячей покойницей, и практически влюбился в неё, благодарность улетучилась. Влюблённость тоже. И вообще, всё доброе, что он чувствовал к Наде, испарилось. Исчезло без следа. Соболев был уверен, что Марк пристрелил Надю — он сам видел, как здоровенные бугаи увели её на казнь. Никто не удосужился сказать Соболеву, что Надя пережила их взрыв и пожар в заговорённом подземном погребе. Глубоком погребе. Если бы он знал... вряд ли бы тогда уехал из Запрудного. Он бы вернулся и самолично пристрелил девушку. Он бы смог!

Но хоть и не чувствовал Костя ничего доброго к Наде, и вовсе старался не думать, не вспоминать о ней — как о таком вообще можно вспомнить без содрогания? А всё же именно история с мёртвой Надеждой дала ему шанс переоценить ситуацию с Таней. И он пришёл к бывшей жене.

Татьяна жила в их квартире, по вечерам показывая её потенциальным покупателям. Так она и не послу-

Хлодная вечность. Вызов Хроноса

шала Константина, который говорил ей оставить квартиру себе. Убеждал, что он устроится как-нибудь — мужчина Соболев или кто? Но Таня решила разделить всё по-честному. А Костя решил по-честному, прямо, с ней поговорить. После того, что он пережил, глупо было тратить время на окольные пути.

— Привет! Ну что? Не продаётся квартира?

— Пока нет, — невесело сказала Таня. — Но это вопрос времени. Тебе есть где жить?

Соболев пока не думал, где он будет жить. Прилетев из Красноярска, он остаток ночи провел в машине. Утром съездил на работу, а к вечеру заявился домой. Костя даже не репетировал разговор с Таней. Подумал, что лучше будет довериться ситуации: как пойдёт, так и пойдёт.

— Тань, я должен кое-что тебе сказать. А ты уж сама решай, что тебе делать. В общем... я тебя люблю, наш развод был ошибкой. Мне кажется, мы заслуживаем второй шанс. Ты точно заслуживаешь, а я — тут уж не мне решать. Поэтому, если у тебя никого нет, и если ты тоже меня любишь... ну, хотя бы что-то чувствуешь, то я прошу тебя: давай попробуем ещё раз!

Он выпалил свою речь на одном дыхании, и ждал Таниной реакции. Заранее сказав себе: что будет, то и будет. Таня смотрела на него, как на пришельца. Потом спросила:

— Соболев, ты серьёзно, что ли?

— Ну конечно! Кто такими вещами шутит вообще?

Татьяна всхлипнула и бросилась ему на шею. Костя целовал её, зажмурившись, и уговаривая себя ничего не вспоминать. Не ловить никаких триггеров. Не было в его жизни никакой Нади! Не было, и всё тут.

У них получилось. Как будто и не расставались, и не разводились. Соболева этот факт порадовал, и он действительно старался. Быть хорошим мужем: внима-

Ирина Малаховская-Пен

тельным, заботливым. Поменьше внимания работе, побольше — жене. Никто из них не стремился второй раз пойти в ЗАГС. Это они уже проходили, когда были моложе. Сейчас главным было то, что двоим людям вместе хорошо. И всё.

Если бы ещё третьего... но третий никак не хотел получаться. Как учёный в одной из областей медицины, Соболев не особо приветствовал медицинское вмешательство в процесс. ЭКО — это прекрасный способ помочь бездетным парам, кто бы спорил. Но побочные эффекты от гормональной стимуляции ещё никто не отменял. Таня очень хотела ребёнка, и уже готова была пойти на искусственное оплодотворение, но Соболев пока придерживался своей позиции. Очень боялся за неё.

— Костя, ну я же буду под твоим присмотром!

— Тань, я не врач. Я могу и прозевать какой-нибудь нежелательный эффект. Да что там я! Даже врачи могут.

Она расстраивалась, плакала. Соболев думал, что уже, наверное, надо решиться. Пойти, наконец, и сделать это треклятое ЭКО. И ведь, скорее всего, от одной процедуры-то ничего и не будет, вот только мало у кого получалось с первой попытки.

Вообще, новый Соболев, вернувшийся из Позднего, скорее бы доверился какой-нибудь магии. Идеально было бы найти в Москве настоящую ведьму, способную исцелить их от бесплодия. Но, во-первых, где тут её найдёшь — это же не сибирская глубинка. Шарлатанки сплошные. А во-вторых, как сказать Тане, что он, Соболев, учёный, теперь верит в магию и колдовство? Как сказать-то? Костя не представлял такого разговора совершенно.

Звонок Морозова разбередил в Соболеве какую-то рану, о существовании которой Костя то ли не знал, то ли просто уже забыл. Бредя с коляской вдоль полок гипер-

Хлодная вечность. Вызов Хроноса

маркета, Костя видел картинки. Вот он покупает пиво и собачий корм. Вот он сидит в интернет-кафе, ищет информацию, сначала о Позднем, а потом — объявления о покупке машин, вот он едет по Запрудному в поиске дома на улице Советской, где живёт Захар. Старый дед, бывший житель Позднего, который погиб, пытаюсь спасти его, Соболева. Вот он возвращается по темноте из Запрудного в Позднее, а на заднем сиденье ворчит верный алабай Гэри. Большой и надёжный, как скала. Гэри, который однажды спас ему жизнь.

Эти флешбэки не давали Соболеву сосредоточиться на покупках. Они мелькали в голове, толкая друг друга, как стёкла калейдоскопа. Соболев испытывал странную тоску. И не понимал, что она означает. То ли он скучает по своим приключениям в Сибири — да ну, бред! То ли он переживает, что дело сделано некачественно, и подлец Марк жив-здоров. Непонятно, но точно тоска. Гнетущая, тянущая нервы в груди.

— Кость! Ну что ты берёшь?! Кто это есть-то будет?

— А? — вынырнул Соболев из кинозала в своей голове.

Он стоял посреди столичного гипермаркета и держал в руке собачьи консервы. Большую банку, мясной корм для собак крупных пород. Для алабаев в самый раз.

Соболев поставил консервы обратно на полку. Таня укоризненно покачала головой, и прошла дальше. Соболев поплёлся с телегой за ней, матерясь про себя. Пытаясь избавиться от своего прошлого, нахлынувшего на него волной. Чёрт бы побрал журналиста Морозова! Не мог он позвонить со своими новостями в понедельник?

Глава 2

Соболев с трудом дотерпел до понедельника. Сначала его мучили флешбэки, от которых он отмахивался, как от мух. Кстати, довольно бестолково и безрезультатно. Потом ему всё же удалось вытеснить из головы картинки из прошлого. С трудом, но получилось. И он... тут же погрузился в фантазии о Позднем. Марк жив — тут напрашивается только один вывод. Марк жив, потому, что на момент их с Морозовым теракта его не было в Позднем. Видимо, он успел смыться. Но тут же богатая соболевская фантазия подсказала ему невероятное: а что, если уничтожить Позднее невозможно? Ведь люди в Позднем возвращаются после смерти, внешне точно такими же, какими были при жизни. А вдруг магия ведьмы Сони, точнее, побочный эффект от неё, распространяется не только на людей?! На деревню тоже. На дома, на землю. Ничего в Позднем не подвластно смерти. Они с Морозовым уничтожили, но всё возродилось. А?

Жуткие картинки домов и людей, восстающих из пепла, как Феникс. Дома-фениксы и люди-фениксы. Бр-р. Так, стоп! А ведьма, которую съела Тамара. Она призналась Соболеву перед тем, как они вместе пошли закладывать бомбы.

Хлодная вечность. Вызов Хроноса

Ну, Соня-то точно не может воскреснуть! Не воскрес же — кого там съел отец Захара, Тимофей? Парня какого-то, Соболев уже и забыл, как его звали. Не воскрес. Значит, и Соня не могла. А могла магия Сони умереть вместе с ней? «Не могла», — насмешливо шепнул внутренний голос. Действительно, не могла. Ведь Сони уже не было, а всё оставалось, как при её жизни. Так что же, чёрт возьми, произошло? Спасся один Марк? Да если бы Марк восстал из пепла, как подсказывает дикое воображение Соболева, он бы не смог выезжать из заколдованной деревни. Значит, его не было во время взрыва. Марк сбежал раньше и выжил. И живёт на руинах Позднего? Или не живёт, — чего обязательно живёт, — а просто поехал в лес. Что он, в лес поехать не мог? Вот Андрей тоже... в Позднее — в Позднее. Сам взбаламутился, и его, Соболева, взбаламутил. Одно слово: журналист!

Так, успокаивая себя, Соболев и дожил до понедельника. С утра у него была консультация с аспирантом, потом он заперся в кабинете и позвонил Морозову.

— Ну? Ты ездил туда? — спросил Костя вместо приветствия.

— Это шутка такая? Я не поеду туда один, — обиделся Андрей. — Добрый день, кстати.

— У нас утро ещё. — Соболев глянул на часы. — Да. Точно. Ещё утро. Андрей, послушай, я вот тут подумал... чего ты сразу на Марка наговариваешь? Почему решил, что он поехал в Позднее? Он мог просто в лес поехать. По делам.

— Соболев, я за ним следил. Он на рынке покупал крупы. И сахар.

— Так. Ну и что?

— Мешками! — уточнил Андрей.

— Ну-ну! И о чём это говорит?

— Соболев, иди к чёрту! Не надо делать вид, что мне одному это нужно. Это наше общее дело — ты пом-

Ирина Малаховская-Пен

нишь? Мы вместе приняли решение. И вместе сделали... ну, то что сделали. И, видимо, налажали. Если твоя совесть позволит тебе дальше спокойно жить в своей Москве — я тебе слова не скажу. Но мне показалось, что ты должен знать.

Соболев молчал. Слушал.

— Ошибся, наверное, — сказал Морозов. — Ладно, пока.

— Подожди, — тяжело ответил Костя.

Опять эта тяжесть... наверное, так ощущается долг. Проклятое чувство долга, которое взваливаешь сам на себя. Как следует, на совесть, возлагаешь этот груз на плечи.

В трубке было тихо.

— Ты тут?

— Тут. Жду, — иронично сказал Морозов.

— Блядь, у меня только всё начало налаживаться! У меня семья. Мы ребёнка хотим завести... ну на хрена мне вот это всё сейчас?!

Про себя Соболев подумал: хорошо, что ребёнка ещё не завели. Вот так бы был ребёнок, маленький человечек, а он, Костя, ломанулся бы в сибирскую глубинку, косяки свои исправлять.

— Морозов, я подумаю, как мне поступить, и позвоню тебе. Хорошо?

— А у меня есть выбор? Я могу только ждать. Звони. И отключился.

Глава 3

Соболев понимал, что вполне может взять пару недель за свой счёт, хотя зачем так много? Недели хватит, чтобы скататься туда и обратно. Самолётом до Красноярска... в этом месте Костя хлопнул себя по лбу, и полез в список контактов. Трубку снял тот, кто ему был нужен. Быстро снял. После третьего гудка.

— Приветствую я тебя всячески, Пётр. — сказал Костя.

На том конце связи помолчали, а потом не особо удивлённо сказали:

— Костя? Не ожидал. Ты из Москвы звонишь?

— Ну да. Из неё. Как твоё здоровье?

Они виделись с Петром последний раз, когда Соболев завозил собаку. Машину он тоже оставил в Красноярске. Косте пришлось честно рассказать всё о гибели Поздного. Пётр, судя по всему, был расстроен услышанным. Тем более Соболев принёс весть не только о гибели села, но и о смерти Захара. С учётом магической отсрочки дед мог прожить ещё лет пятнадцать-двадцать, а он так нелепо погиб в чужой борьбе. Ну... и о гибели Тамары, матери Петра, Костя тоже поведал. Хоть и была она

Ирина Малаховская-Пен

давно уже мертва, а всё же — мать. Про Марка Соболев тоже тогда думал, что он погиб. Так и сказал: всё сгорело, ничего и никого нет.

Сестра Петра, Людмила, услышав историю, не расстроилась из-за гибели родственников. Дослушав рассказ Соболева, она встала из-за стола и трижды перекрестилась, приговаривая: «Слава тебе, Господи!» Пётр был мрачен и грустен, когда провожал Соболева до двери, но претензий никаких не высказывал. Были и положительные моменты — любимый пёс вернулся к нему живым и здоровым. С тех пор Костя с Петром не разговаривали, так что немудрено, что звонок Соболева удивил его.

— Ты позвонил мне из Москвы, чтобы справиться о моём здоровье? — не слишком ласково уточнил Пётр.

— Я тебя понимаю! Правда. Я бы тоже на твоём месте ненавидел меня.

— Слушай, Костя Соболев. Я живу своей жизнью. И не думаю о тебе. Так с чего ты вспомнил обо мне?

— Ладно. Вижу, светской беседы не получится. Скажу прямо: твой отец жив.

— Я знаю. И что с того?

— Знаешь?! — потрясённо переспросил Костя.

— Знаю. Приезжал он к нам с Людмилой. Как нашёл — не сказал. Зачем приезжал — тоже непонятно. Повидаться, мол. Пару дней пробыл, и уехал. Даже не уехал... я бы сказал, что он исчез так же внезапно, как и появился. Люда была ему не рада. А я... не знаю я, что почувствовал. А ты-то откуда узнал?

— Видели его в Запрудном. Но не это главное. Видели, как он поехал из Запрудного в Позднее. Зачем он туда поехал?

— А мне почём знать? — удивился Пётр. — Я же тебе говорю, Марк захал на пару дней, и всё. Мы особо и не общались.